

Юлия Марченко

В городе +35 по Цельсию

I

— Лидочка, как же я за тебя рада! Ты извини, что не приехала к вам с Егором на свадьбу. Отец болел.

— Да ничего, мам. Да и свадьба была самая, что ни есть обыкновенная. Если бы не моя, я бы тоже не пришла, — Лида Лавриненкова улыбалась, обнимая маму.

— Что сказал доктор? — Мария Петровна смотрела на дочь испытывающим взглядом.

— Доктор? А что доктор? Ничего не сказал. — Лида попыталась улыбнуться, но руки ее дрожали.

— Лида, я же вижу, что ты что-то недоговариваешь. Расскажи мне все.

Лида подошла к окну и посмотрела вдаль. Ее взгляд затуманился. Она произнесла отстраненным голосом:

— У меня не может быть детей.

— Егор знает об этом?

— Нет. Но я скажу ему, непременно скажу, а там будь что будет.

— Как же так, доченька? — Мария Петровна

достала платочек и вытерла им влажные глаза.

— Мам, я сейчас устала очень. Давай завтра ты к нам придешь, и мы поговорим. Прости.

— Да, конечно. Ты не расстраивайся. Мы найдем тебе другого врача. В наше время все это лечится.

— Мама, пожалуйста!

— Ухожу-ухожу.

Лида медленно прошла на кухню и заварила себе крепкого чая. Потом все так же медленно встала, оделась-накрасилась и поехала к мужу на работу.

На месте секретаря никого не оказалось, и Лида застыла у двери, ведущей в кабинет Егора. Что-то в глубине души подсказывало ей: «Поезжай-ка ты домой, Лида.» Из кабинета слышались голоса:

— Любимый, ты что, не рад? Но ты же ведь нас не бросишь? Так ведь?!..

— Я же просил тебя: пей таблетки! Короче, вот тебе карта, там пять тысяч. Пойдешь в больницу и решишь эту проблему.

— А ты редкая сволочь, Новиков. Другого од тебя я и не ожидала.

— У меня жена, пойми ты это, наконец! А если она тоже забеременеет?

— А, ну да, ну да! Давай сюда. И не звони мне больше.

Лида выскочила из приемной и остановилась, чтобы перевести дух в коридоре. Что же это получается, она, Лида никогда не сможет родить Егору, а он, не зная этого, хочет убить своего, не родившегося ребенка? Этого нельзя допустить!

— Девушка, постойте! Вы от Егора Романовича? — она смотрела на стоящую перед ней блондинку. Ей было лет шестнадцать с виду, не больше. Вместо того чтобы ощутить ревность или хотя бы презрение, Лиде стало жаль ее.

— Да. А Вы что-то хотели? Мы знакомы?

— Некоторым образом. Поговорим? Я знаю хорошее кафе неподалеку.

II

«Однажды я проснусь счастливым человеком. И эта серая полоса в моей жизни закончится,» — убеждала себя Лида в перерыве между беготней и суматохой школьных коридоров, библиотеки, учительской и один Бог знает чего еще. В том, что эта полоса не черная, а именно серая, Лида Лавриненкова была абсолютно уверена. Она металась между работой и домом и привыкла бросаться из крайности в крайность. В этом была она вся. В середине года она могла проводить часы, будучи на работе и совершенно ничего не делая, лишь сидеть за своим столом и читать какую-то

медицинскую литературу, пока какой-нибудь случайный посетитель не застанет ее врасплох. На следующий день Лавриненкова могла тотчас ринуться проверять у всей школы учебники или же устроить «наведение порядков» у себя в книгохранилище. Любила она суматоху начала и конца года, беготню между двумя своими кабинетами на разных концах школы. Лида не была трудоголиком, но отсутствие мелких радостей жизни, вроде любви или, скажем, пустого кокетства, предпочитала возместить радостью проделанной работы. Она была скорее радостным меланхоликом, чем безрадостным сангвиником и очень не любила, если кто-то вдруг начинал упрекать ее в угрюмости. Метаться между противоположностями — вот что было основной чертой ее характера. Она не могла выбрать для себя кого она все-таки любит, и в итоге оказалась в какой-то глупой и даже тупиковой ситуации. Она редко влюблялась, и каждый раз «навсегда». Она всегда чего-то ждала. Она хотела дождаться.

Ее называли горячкой и пустой кокеткой, женщины-коллеги презрительно замолкали, стоило ей только войти, мужчины тоже — они замирали и смотрели на милую Лиду, из-за которой один из них ушел от своей невесты. Он какое-то время пытался ухаживать за Лидой, но она отворачивала лицо и что-то там лепетала о любви до гроба и о

«том самом единственном», которого она ждет. На вторую неделю попыток он вернулся к невесте, которая хоть и приняла его обратно, но поклялась перед всем женским коллективом отомстить «кокетке и пустышке, этой дряни» Лиде.

Лида, она была не просто «Лида». Она хранила тайну. Вся жизнь ее была эдаким запутанным клубком, распутать который на отдельные нити, ой, как непросто.

III

Лида спешила домой. Часы на ее запястье показывали половину четвертого. Был вечер пятницы. Хотелось домой, есть и чего-то хоть отдаленно напоминавшего о живых человеческих чувствах. С тревогой посмотрела она на июльское небо: тучи надвигались со стремительной скоростью. Когда она уже покидала школьный двор, разразился ливень, Лида почувствовала, как вода начинает течь по ее наглаженным брюкам и затекает в новые туфли. За шумом дождя она не слышала, как возле нее остановилась черная «Ауди». Дверцы открылись, и она увидела заходившего к ней нового читателя — Егора Романовича Новикова, предпринимателя, приехавшего из другого города по обмену опытом. С виду ему было лет 26–27, но Лида знала точно —